

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

В. В. Мухин

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

В. В. МУХИН

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. ПЕРМЬ—1957 г.

В темную, дождливую ночь в начале августа 1585 года в бурных волнах Иртыша погиб атаман Ермак Тимофеевич, погиб в жестокой схватке с вероломно напавшими на его малочисленный отряд воинами сибирского хана Кучума.

Имя Ермака хорошо известно во всех концах нашей страны и далеко за ее пределами. Образ этого смелого и вольнолюбивого патриота, храброго воина, одного из первых русских землепроходцев, рискнувшего на героический подвиг — идти с горсткой храбрецов за Каменный пояс¹, в далекую и почти неведомую страну, не тускнеет в памяти людей.

Народ сложил о Ермаке и его дружине былины, легенды, сказы, поет песни, которые и сейчас пользуются большой популярностью.

Дело освоения необъятных просторов Сибири, начало которому положил поход Ермака, оказалось всенародным. Это быстро поняли русские люди и по горячим следам поспешили записать историю похода Ермака Тимофеевича.

Еще при жизни некоторых сподвижников Ермака было составлено первое «написание» о походе, которое в 1621 году казаки принесли сибирскому архиепископу Киприану. В «написании» было сказано о том: «Како они (казаки) приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и каково у них имянем убили».

На основании этих сведений был составлен так называемый «Тобольский синодик». В 1636 году из-под пера тобольского подъячего Саввы Есипова появилось новое летописное произведение о походе Ермака: «О Сибири и о Сибирском взятии» (Есиповская летопись). Где-то в первой половине XVII века из кругов, близких Строгановым, вышла «Повесть о взятии Сибирской Земли» (Строгановская летопись).

¹ Каменный пояс — старинное русское название Уральских гор.

В последующие годы взоры пытливых русских людей еще не раз обращались к истории похода Ермака. Во второй половине XVII века в Прикамье в казачьей среде возникла «Летопись Сибирская, краткая, Кунгурская», дошедшая до нас в виде отдельных вставок в Ремезовскую летопись. В конце XVII века на основе Есиповской летописи и целого ряда других письменных источников и устных преданий, как русских, так и татарских, образованный человек своего времени тобольский сын боярский Семен Ремезов написал «Историю Сибирскую» (Ремезовская летопись). В следующем столетии талантливый самоучка ямщик Иван Леонтьевич Черепанов создает «Новую Сибирскую историю», доведенную им до 1756 года.

Эти летописные произведения, вместе с несколькими царскими грамотами, и явились, по сути дела, единственными дошедшими до нас источниками о сибирском походе, которые послужили основой для многочисленной литературы.

Но сибирские летописи, строго говоря, являются не документальными, а фольклорно-историческими источниками. Они не точны, во многом противоречивы, правда в них часто переплетается с вымыслом.

Противоречия летописей и почти полное отсутствие других источников вызвали, в свою очередь, противоречия и в литературе. Это привело к тому, что по сей день в исторической науке нет единой точки зрения на отдельные моменты сибирского похода и биографии самого Ермака Тимофеевича.

Кстати сказать, летописи, сообщая о делах Ермака и его дружины, очень мало говорят о самом Ермаке. Более или менее подробно мы знаем лишь о последних шести-семи годах его жизни. Поэтому, говоря о Ермаке, приходится уделять внимание не столько подробностям его биографии, сколько делам его и его дружины — знаменитому сибирскому походу.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Дата рождения Ермака Тимофеевича неизвестна. Летописи говорят лишь, что ко времени сибирского похода он был в среднем возрасте. Неизвестно точно и место его рождения. Наиболее ранние летописи — Есиповская и Строгановская — не дают на этот счет никаких сведений. Ермак фигурирует в них как «поволский» или «волский» атаман, гораздо реже

(и только в поздних редакциях) летописи называют его в числе казаков «с Волги и с Дону».

Царские грамоты, наиболее достоверные источники (например, грамота на имя Строгановых от 16 ноября 1582 года), называют его только «волжским атаманом».

В прошлом веке историк донского казачьего войска В. Броневский в своей книге «История Донского войска» без ссылок на какие бы то ни было источники причислил Ермака к уроженцам станицы Качалинской на Дону. С его легкой руки версия о донском происхождении Ермака Тимофеевича проникла и в другую литературу.

Правда, в списке атаманов, приложенном к «Краткой летописи Донского казачьего войска», опубликованной в «Донском календаре» за 1874 год, Ермак Тимофеевич упоминается в числе донских атаманов в период 1579—1584 годов, но ведь совершенно неопровержимым фактом является то, что именно в это время он находился в Прикамье и в Сибири. Если даже предположить, что Ермак и бывал на Дону в другие годы, то и это не подтверждает версию о его донском происхождении: в то время ряды донских казаков постоянно пополнялись выходцами из самых различных уголков Руси.

В «Новой Сибирской истории» (Черепановской летописи) есть сведения о том, что Ермак — выходец откуда-то с Нижней Чусовой. Сведения эти Черепанов, по его словам, позаимствовал из «некоторой сибирской истории». Такой историк, как Карамзин, знал о существовании Черепановской летописи, но ссылка на неизвестный, утерянный источник не была веским доказательством в его глазах и он характеризовал Ермака, как «родом неизвестного, душою знаменитого». Несколько позднее известный издатель сибирских летописей Спасский заявил, что сказание «о Ермаке, откуда он родом» он нашел в одном из рукописных сборников XVII века.

В конце прошлого столетия историку Пермского края А. Дмитриеву посчастливилось найти новый летописный памятник: «Сказание Сибирской земли», написанный, по его мнению, в XVII веке. Памятник этот, очевидно, под названием «Некоторой Сибирской истории», был известен Черепанову, который именно из него и почерпнул сведения об уральском происхождении Ермака Тимофеевича.

Таким образом, единственный летописный текст, в котором говорится о происхождении Ермака Тимофеевича, относится к XVII веку. Других сведений такой же давности о его происхождении мы не имеем.

В «Сказании» говорится: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец посадской человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Володимер, именем его звали Афанасий Григорьевич сын Аленин, и тут воспита двух сынов Родиона и Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женою и детьми в Юрьевец Поволской, умре, а дети его Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породил детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василей. И оной Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от них звався атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган, а по волжским — жерновой мельнец рушной».

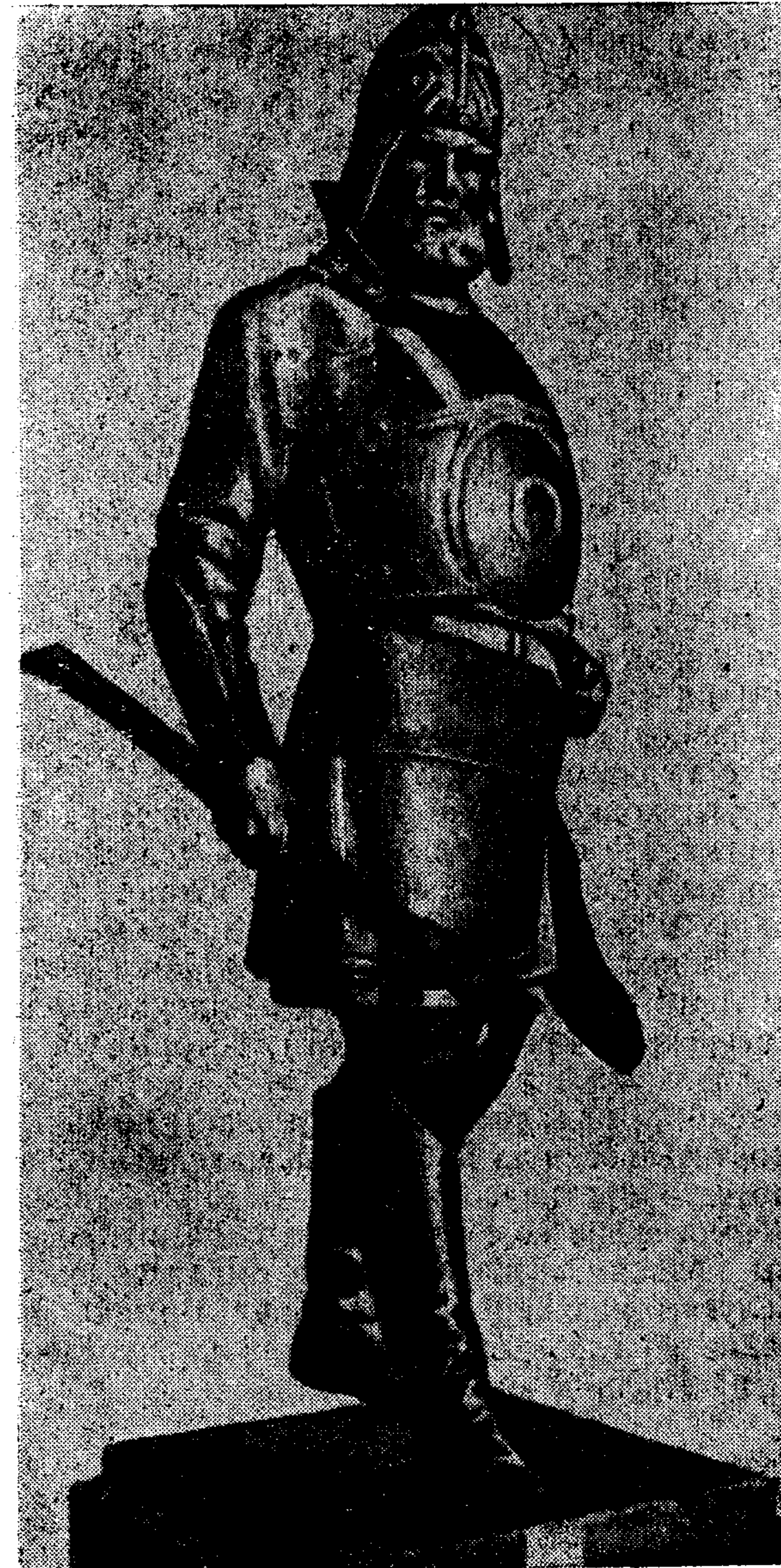
По данным известного уральского краеведа И. Я. Кривошекова, фамилия Алениных встречалась еще в начале нашего века в деревнях по реке Чусовой.

Вся деятельность Ермака Тимофеевича говорит в пользу того, что он уралец, человек хорошо знакомый с уральским краем, с его природой, населением и другими особенностями. Правда, в двух списках Есиповской летописи (Головинском и Ундольского), кстати сказать, очень похожих друг на друга, говорится о том, что казаки, придя на Урал, расспрашивали местных жителей о том, «к которому царству та земля подошла». Но ни Сычевский (самый ранний, принятый издателями летописей за основной), ни Абрамцевский, ни Румянцевский, ни Погодинский списки этой летописи ничего подобного не говорят. Можно предположить, что этот эпизод был вставлен более поздними переписчиками.

Все многочисленные уральские легенды и сказы называют Ермака не пришельцем, а местным жителем.

Как на уральца смотрит на него целый ряд историков: Иловайский, Небольсин, Пуцилло, Дмитриев, Введенский и другие.

Следовательно, у нас есть основания предположить, что Ермак — Василий Тимофеевич Аленин — сын выходца из города Юрьевца Повольского Тимофея Афанасьевича Аленина, осевшего в каком-то из русских поселений на Нижней Чусовой. Еще юношей он начал работать на строгановских караванах. Смелый и сильный характером человек, Василий

«Ермак». Скульптура М. М. Антокольского.

Аленин не мог долго вынести тяжелой жизни подневольного. Собрав небольшой вооруженный отряд, он бежал от своих хозяев. Вольные люди дали ему прозвище «Ермак», под которым он и вошел в историю¹.

* * *

В XVI веке на Дон, на Волгу, за далекий Терек в «гребени», в бескрайнее Дикое поле, как тогда называли южные степи, бежали недовольные и предприимчивые люди со всех концов русской земли. Крестьяне и холопы, стрельцы, служилые люди и городская беднота уходили туда от боярского гнета, от непосильных поборов и притеснения воевод. Степи и прибрежные леса гостеприимно укрывали беглых, давали им приют, защищали от преследования властей. Так постепенно на южных границах Русского государства стали возникать поселения беспокойных для правительства вольных людей — казаков. Эти люди приносили пользу Русскому государству, охраняя его рубежи, но в то же время они всегда были готовы на «воровство» против царя, бояр, воевод.

Жизнь казаков была полна опасностей: они все время воевали то с турками, то с татарами, то с ногайцами. Их быстрые струги ходили даже в Каспийское море к берегам далекой Персии. Не оставляли они своим «вниманием» и богатые караваны иностранных и русских купцов, и даже царские караваны, плывшие по Волге. Так, например, в 1549 году ногайский князь Юсуф писал царю: «Наши люди ходили в Москву с торгом, и как шли назад ваши казаки и севруки (жители Северной Украины — В. М.), которые на Дону стоят, их побили».

Разумеется, эти нападения были вызваны не только стремлением захватить военную добычу, но являлись своеобразной формой протеста против социальной несправедливости.

Ермак Тимофеевич со своими товарищами присоединился к волжским казакам. Благодаря его смелости, уму, силе и боевым заслугам казачий круг выбрал Ермака атаманом. Отряд казаков во главе с ним напал на купеческие суда на Волге и на Каспийском море.

¹ Само слово «ермак» В. И. Даль объясняет как «малый жернов для ручных крестьянских мельниц», т. е. дает ему такое же толкование, как и «Сказание Сибирской земли». В писцовых книгах Прикамья начала XVII столетия автору этих строк неоднократно попадались такие прозвища или имена, как «Ермак», «Ермачко».

Предприняв большой поход, казаки спустились на стругах в Каспийское море. Оттуда они вышли на реку Яик и разграбили столицу Ногайского ханства город Сарайчик. Возвращаясь обратно, казаки разбили караван «персидского посла», т. е. московского посла, шедшего в Персию. «И прежде, и в те лета промчесь воровской слух его в Руси, в Казане и в Астрахане, и что Кызилбашских послов пограбили Ермачко со многими людьми...» — говорит летопись об этом событии.

Московское правительство в октябре 1577 года выслало против казаков стольника воеводу Ивана Мурашкина с большим войском. Мурашкину было приказано: «Где тех воров ни застанет, тут пытатъ, казнить и вешать». Узнав о приближении войск, казачьи отряды с Волги стали разбегаться в разные стороны: на Яик, на Дон и т. д. Те же из казаков, которые группировались вокруг Ермака Тимофеевича, пошли вверх по Волге.

Местом на Волге, где некоторое время скрывался отряд Ермака, были, очевидно, высокие утесистые горы на Самарской луке, недалеко от устья реки Усы, в те времена покрытые густым, непроходимым лесом и имевшие массу пещер. Отсюда удобно было делать внезапные нападения на проходившие мимо караваны. Позднее, недалеко от устья Усы, возникли селения Ермаковка и Кольцовка, о которых предания говорят, что они основаны на местах, где некогда жили казаки Ермака.

Именитые люди Строгановы, владевшие огромной территорией в Прикамье, узнав «о буйстве и храбрости поволжских казаков и атаманов Ермака Тимофеевича с товарищи», решили пригласить их к себе на службу.

6 апреля 1579 года, как говорит Строгановская летопись, они послали Ермаку грамоту с приглашением идти со всем отрядом в их владения на Каму. Казаки приняли это приглашение. 28 июня 1579 года Ермак Тимофеевич вместе со своими соратниками — Иваном Кольцо, Никитой Паном, Матвеем Мещеряком, Яковом Михайловым, Богданом Брязгой — и отрядом в 540 казаков¹ прибыл на стругах в строгановские городки, хозяева которых «прияша их с честью и деяху им дары многи и брашна и питии изобилно их наследдаху».

¹ Ремезовская летопись называет другую цифру — 5000 человек. Историки считают, что этого не могло быть. Возможно, что цифра Строгановской летописи немного приуменьшена, но она гораздо ближе к истине.

Факт призыва Ермака Строгановыми неоднократно подтверждается такими важными документами, как царские грамоты. Так в грамоте от 16 ноября 1582 года говорится: «А волжских атаманов к себе призвав, [Строгановы] воров наняли в свои остроги без нашего указу. А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Ногайскою ордою, послов ногайских на Волге, на перевозах побивали и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили». О том, что Строгановы, «служа и радея предкам государей, призвали с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи, ратных многих людей наймовали», говорят грамоты 1673 и 1692 годов.

А теперь несколько отвлечемся от темы нашего рассказа для того, чтобы посмотреть, что представляли собой в то время Прикамье и Западная Сибирь, — места, где потом пришлось действовать Ермаку.

ПРИКАМЬЕ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В XVI ВЕКЕ

Прикамье и таинственные земли, лежавшие за Каменным поясом, издавна привлекали к себе внимание русских людей.

Новгородцы в погоне за «мягкой рухлядью» — пушницей — проникали в эти края еще в XI веке. На своих легких лодках-ушкуях они заплывали далеко в Югру (т. е. в земли хантов и манси). К 1092 году относится первое достоверное летописное известие о том, что новгородец Гюрята посылал своего отрока в Югорскую землю. Новгородское войско ходило в Югру и в 1114, и в 1187, и в 1193 годах. В 1364 году новгородские воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа «воевавши по Оби реки до моря, а другая половина рати на верьх Оби воеваша».

Во второй половине XIII века Югорская земля считалась уже новгородской волостью. Но ее население находилось лишь в формальной зависимости от Новгорода, т. к. новгородцы долго не задерживались в Югорской земле, ограничиваясь лишь сбором ясака и меновой торговлей.

Включение Новгорода Великого в состав Московского государства содействовало продвижению Москвы в северо-восточные земли. Сначала московские воеводы покорили Пермь Вычегодскую (т. е. земли зырян), а в 1472 году и Пермь Великую (Верхнее Прикамье). Утвердившись в прикамских землях, московское правительство предпринимает,

один за другим, походы за Каменный пояс. Первый поход московской рати в Югорскую землю относится еще к 1465 году. В 1483 году московское правительство предпринимает большой поход «на Асыку на Вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку». В 1499 году за Урал организуется новый большой поход под руководством воевод князя С. Ф. Курбского, князя П. Ф. Ушатого и В. И. Гаврилова. Югорская земля была поставлена в зависимость от Московского великого князя.

К началу XVI века русские люди уже неоднократно бывали в Западной Сибири, на нижней Оби. Главным путем за Урал был в то время так называемый «чрезкаменный путь», который шел по водным системам Северной Двины и Печоры на притоки Оби. Он имел несколько разветвлений: с Печоры по реке Усе на приток Оби Сось; с Печоры по рекам Вангыру и Манья на реку Ляпин, приток Северной Сосьвы, впадающей в Обь. Но русские отряды чаще всего ходили в Югру другим путем: с Северной Двины они пробирались на Вычегду, затем волоком на Печору, с нее на реку Шугор, снова волоком через горы на реку Сыгву, приток Сосьвы и, наконец, выплывали в Обь. С освоением верховьев Камы русским стал известен и начал использоваться более южный путь в Сибирь: от Чердыни по Колве, а от Соликамска по Каме на Вишеру, затем по рекам Вёлсу и Чуролу волоком на речки Тальгий, Ивдель и Лозьву, по Лозьве на Тавду и Тобол. В XV веке большое значение получил путь «морем-окияном» вдоль северных берегов, которым русские поморы ходили в устье Оби. Более южные пути в Сибирь были надолго закрыты для русских Казанским и Сибирским ханствами.

До разгрома Казанского ханства русские поселения сосредоточивались главным образом на севере Прикамья, где были построены два русских города — Чердынь и Соль-Камская (Соликамск). Коренное же население края составляли коми-пермяки на западе, манси (вогулы) и ханты (остяки) — на востоке. По Каме, Нижней Чусовой, Сылве, Ирени жили татары, на юге Прикамья — башкиры и удмурты. Население это было очень редким. Коми-пермяцкие поселки, юрты татар и «паули» манси, затерянные в непроходимых лесных дебрях, часто находились в нескольких днях пути друг от друга.

После исчезновения опасности со стороны Казанского ханства русские селения стали появляться все дальше к югу.

Русские люди выбирали себе удобные места по берегам речек и озер, ставили избы, рубили и корчевали лес, распахивали пашни, ловили рыбу, охотились на почти непуганную дичь, искали железные руды и соляные рассолы. Соль, очень дефицитный в то время товар, привлекала сюда много народа. Соликамцы и чердынцы вели меновую торговлю с местным охотничьим населением, ездили торговать с сибирскими жителями на тюменский волок.

Русское население Прикамья, по официальным данным писцовых книг, возможно, несколько приуменьшенным, в 1579 году составляло немногим более 2500 мужчин (женщины в то время при переписи населения в расчет не принимались).

Вслед за свободными и смелыми поселниками в крае появились монахи. Монастыри и светские феодалы, в роли которых здесь выступили новгородские выходцы, богатые солевычегодские промышленники Строгановы, захватывали себе лучшие пашни, рыбные ловли, земли, богатые соляными рассолами, кабелили крестьян.

По двум жалованным грамотам царя Ивана IV они получили «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые» по обеим берегам Камы от устья Лысьвы и до Ласьвинского бора (в районе Краснокамска) и по Чусовой — всего около 7,5 миллиона десятин. Места эти, разумеется, были далеко не «пустыми». На них имелись как поселения местных жителей, так и русских крестьян. Все они попали в жестокую кабалу к Строгановым, получившим права: «Городок поставити, где бы место было крепко и усторожливо и на городке пушки и пищали учинити... По речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни около того городка распахивати, и дворы ставити, и людей... не письменных и нетягловых называти... варницы ставить и соль варити».

Строгановы принялись колонизировать край. Они строили городки — крепости, заводили деревни и починки, созывали людей, варили соль, рубили леса, добывали и скупали пушнину, вели крупное для того времени сельское хозяйство. Строгановы посылали своих людей в низовья Оби за пушминой, завели «немецкий торг» в Коле на Мурманском побережье, пытались организовать экспедицию на двух кораблях по Северному морскому пути. Служивший у них иноземец Оливер Брюнель приезжал в Дортрехт с грузом пушмины. Сохранились записи о пропуске строгановских людей «в Бухарию за товарами».

В 1579 году в их владении было уже 4 острога (Орел или Кергедан, Пыскор или Канкор, Нижний Чусовской Городок, Сылвенский острожек), 11 деревень, 28 починков и около 400 человек мужского населения. Строгановские владения играли роль передового поста русского государства на Сибирской границе.

* * *

В XIII веке, во время похода Чингис-хана, земли средней и южной частей Западной Сибири были завоеваны татаро-монголами. Здесь осело значительное тюркское население.

Развитие процесса феодализации у татар Западной Сибири привело к образованию там самостоятельного ханства со столицей в городе Чимга-Туре. Татарские ханы вели жестокую борьбу за сибирский трон. Особенно большую роль в сибирских делах играли ногайские ханы и владельцы Бухары, которые сажали на сибирский престол своих ставленников. Во второй половине XV века сибирским ханом стал Ибрагим-Ибак. Он пал в борьбе с представителями местной знати — беками «Тайбугина рода». Его победитель хан Магомет (Мехмет) перенес столицу государства на Иртыш. Здесь, при устье речки Сибирки, он построил город Кашлык, который русские называли Сибирью.

К середине XVI века Сибирское ханство занимало огромную территорию в бассейнах рек Тавды, Туры, Тобола и Иртыша. На юге его границы терялись в Барабинских степях, на западе доходили до западных склонов Уральских гор. Под властью сибирских ханов находились, кроме татар, манси, ханты и другие народности, управлявшиеся беками, мурзами, карачами (ханскими советниками). Между ханскими вассалами шла жестокая борьба за власть. Особенно ненадежными союзниками были мансийские и хантские князьки, которых силой заставляли подчиниться татарским ханам и платить им большой ясак. В течение долгих лет государство ослабляла кровавая борьба за сибирский престол между бухарскими Шейбанидами и местной династией — Тайбугидами, тяжело отражавшаяся на населении. Несмотря на обширность территории, Сибирское ханство было непрочным государством и развалилось при первом же серьезном военном поражении.

Покорение Московским государством Казани, с которой Сибирское ханство почти все время находилось в союзе, ослабило сибирских ханов. На некоторое время они даже призна-

ли себя вассалами русского царя. После падения Казани хан Эдигер в январе 1555 года отправил в Москву послов, которые обратились к Ивану IV с просьбой о том, чтобы он «князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать». Царь взял «князя Сибирского и всю Землю в свою волю и под свою руку». На ханство была наложена незначительная дань, собирать которую поехал посол Дмитрий Куров.

Кучум, убивший Эдигера и занявший его престол, сначала придерживался той же политики по отношению к Руси, что и его предшественник. В 1571 году он отправил в Москву посольство и дань — тысячу соболей. Но вассальная зависимость Кучума не была поддержана реальной силой, и он сумел быстро освободиться от нее, как только вышел из полосы внешних и внутренних осложнений (борьба со сторонниками Тайбугидов и некоторыми мансийскими князьями, долго не хотевшими признать его власть, сопротивление населения введению магометанства, война с казаками).

Сибирское ханство представляло постоянную угрозу для восточных рубежей Русского государства. Татарские отряды часто проникали через Каменный пояс и нападали на пограничные городки и деревни. В 1505 году, например, в Прикамье пришел с ратью Кулук-Султан, сын Хана Ибака. Татары «города (Чердыни) не взяли, а землю нижнюю завоевали, в Усолье на Каме (в Соликамске) русаков вывели и высекли...» В 1546 году татары напали на Чердынь, в 1547 году они убили в Кондратьевской слободе на Вишере 85 человек, в 1552 году напали на Соликамск.

В 1572 году сибирскими же агентами, видимо, было спровоцировано нападение черемисов (мари) на русских торговых людей и ватажников в устье Камы. В следующем 1573 году Прикамье снова подверглось нападению. На этот раз татарским отрядом командовал племянник самого Кучума Магомет-Кули (Магметкул), который «собрався с ратью дорог проведывати, куды идти ратью в Пермь». Татары убили многих манси и хантов, а также московского посла Третьяка Чебукова, сожгли много русских деревень и починков. Остановить их удалось лишь за пять верст от Нижнего Чусовского Городка.

Татары разоряли не только русские селения, от их набегов страдало и коренное население края, признавшее русскую власть. Так, в один из набегов «Сибирской же сал-

тан ратью государевых данных остяков Чагиря с товарищи побил... А иных данщиков государевых Сибирской имает, а иных и убивает...»

Документы сохранили нам подробности только о наиболее крупных эпизодах этой почти непрерывавшейся войны на восточной границе русского государства. А сколько было мелких нападений, стычек, налетов!

Население Прикамья находилось в постоянной тревоге. На стенах острогов день и ночь стояла охрана. Пахари и косари, рудокопы и солевары, лесорубы и рыбаки выходили на работу с оружием в руках. В любую минуту дня и ночи с востока могли налететь всадники в мохнатых шапках, сжечь дом, разграбить имущество, увести в полон самих хозяев. Жить приходилось с «великим бережением».

Постоянная угроза татарского нападения делала невозможной нормальную жизнь на этой окраине русского государства. Нужно было обезопасить Прикамье от вторжения татарских орд, чтобы создать возможность для широкого освоения края.

Установление регулярных торговых отношений Московского государства с Западной Европой через Белое море, освобождение после разгрома Казанского и Астраханского ханств торговых путей на Восток сильно способствовали расширению спроса на русские товары, в особенности на «мягкую рухлядь». И в западных и в восточных странах модными стали русские соболи, бобры, белки, горностаи. Но количество пушного зверя в освоенных районах быстро уменьшалось. Сибирь, сказочно богатая пушниной, все настойчивее, особенно с середины XVI века, привлекала внимание Московского правительства. Привлекала его и возможность легкого захвата новых земель.

Нужно отметить также и то, что к этому времени у некоторых сибирских народностей и племен, находившихся в состоянии постоянной междуусобной войны, испытывавших гнет со стороны татар, постепенно возникает стремление стать под покровительство сильного русского государства.

Московское правительство пытается распространить свою власть на Сибирское ханство, но с приходом к власти Кучума вопрос этот не мог быть решен мирным путем.

На быстрейшее завоевание Сибири московское правительство толкали также и все учащавшиеся попытки иностранцев (главным образом голландцев и англичан) проникнуть в эту богатую страну в поисках новых колоний и рын-

ков. Еще при Иване III появился в Москве некий Михаил Снупс, который просил отпустить его «до далних земель... на великой реце Оби». С середины XVI столетия иностранцы пытаются проникнуть на Обь и морским путем: по представлениям тогдашних географов Обь вытекала из мифического Китайского озера, близ которого находится столица Китая — Пекин. Английский посол в Москве Боуэс настойчиво добивался разрешения английским кораблям заходить в устья Печоры, Оби и «Изленди» (вероятно, Енисей).

Москва старалась под разными предлогами не допустить пронырливых иноземцев, вынюхивавших пути в Сибирь, в далекие северные «пристанища». Но как бы то ни было, а частые заходы иностранных кораблей в северные воды, попытки иностранцев проникнуть в Сибирь посуху, различные проекты захвата северных русских земель не могли не заставить русское правительство принимать более энергичные меры к овладению Сибирью.

В 70-х годах XVI века Москва уже имела разработанный план продвижения в Сибирь. В его претворении в жизнь значительная роль отводилась Строгановым, интересы которых совпадали в данном случае с интересами правительства: продвижение в Сибирь не только устраняло опасность от их прикамских владений, но и сулило им немалые выгоды.

В марте 1574 года по царскому приказу Яков Аникеевич и Григорий Аникеевич Строгановы были вызваны в Александровскую слободу — резиденцию Ивана IV. 30 мая им была выдана жалованная грамота, в которой излагалась программа наступательных действий на Зауральские земли: «На Тахчях (область где-то на водоразделе Уральских гор — В. М.) и на Тоболе реке крепости им (т. е. Строгановым) поделати, и снаряд вогненной и пушкарей и пищальников и сторожей от Сибирских и от Ногайских людей держати... Остяков и Вогулич и Югрич и с жены их и дети от Сибирцов от ратных приходу беретци Якову да Григорию у своих крепостей, а на Сибирского Якову и Григорию сбирая охочих людей и остяков и вогулич и Югрич и Самоедь с своими наемными казаки, и с нарядом своим посылати воевати... На Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодится для бережения и охочим на опочив крепости делати, и сторожей с вогненным нарядом держати...»

Но Строгановы очень медленно выполняли этот план. К 1579 году они реализовали его всего на одну треть, заняв верховья реки Лозьвы и ее притоков, верховья южной Сось-

вы и верховья Туры. Дальше, из-за нехватки воинской силы, Строгановы продвинуться не могли; больше того, они потеряли даже часть освоенных земель. Поэтому-то Строгановы, воспользовавшись ранее данным им правом брать на службу вольных людей, пригласили к себе дружину Ермака Тимофеевича.

Возможно, это было сделано с молчаливого согласия правительства.

СИБИРСКИЙ ПОХОД

Возвратимся теперь к Ермаку Тимофеевичу и его товарищам, которых мы оставили сразу после их прихода в Прикамье.

Согласно летописи «пожиста же они, атаманы и казаки, в городках их (т. е. Строгановых — В. М.) два лета и месяца два». Эти два года Ермак занимался подготовкой к далекому походу в Сибирь, разведывал пути, оборонял восточную границу Прикамья от нападения татар и других сибирских народов. «Атаманы и казаки стояху против безбожных агарян (иноверцев — В. М.) буйственно и единомысленно з живущими ту людьми в городках...».

В Ремезовской летописи есть сведения, неповторяемые ни одной другой летописью, о том, что Ермак и его отряд некоторое время находились на реке Сылве близ границ строгановских владений: «...обмишенилися, не попали, по Чюсовой в Сибирь и погребли по Сылве вверх и взамороз дошли до урочища Ермакова городища ныне словет;... и тут зимовали (по предположению А. Дмитриева, в устье реки Шатлыка недалеко от деревни Хуторы Ермаковы — В. М.), и по-за Камени Вогуличь воевали, ...а хлебом кормилися от Максима Строганова».

Весной казаки пришли в строгановские городки. Была ли это первая попытка проникнуть в Сибирь, неудавшаяся из-за того, что Ермак недостаточно хорошо знал систему речных путей, почти совершенно неизвестную для русских Прикамья, или это была экспедиция, предпринятая для разведывания этих путей, — судить трудно. Но из этого видно, что во время пребывания в Прикамье казаки не находились в бездействии.

Вскоре Ермаку пришлось встретиться с грозным и многочисленным неприятелем. Это уже были не мелкие пограничные стычки. В июле 1581 года на русские поселения по Чу-

совой «безвестно, украдом» напал подвластный Кучуму вогульский мурза Бекбелей Агтаков с отрядом, насчитывавшим около семисот человек. Он пожег много русских деревень, взял большой полон. Но казаки разбили его и взяли в плен. Этот набег, несомненно, был предпринят с целью сорвать или, по крайней мере, задержать поход в Сибирь, о подготовке которого сибирский хан, конечно, должен был знать через своих лазутчиков.

Весь остаток лета Ермак провел в деятельных хлопотах по подготовке похода. Строились лодки. В строгановских арсеналах выбиралось и приводилось в порядок оружие, варился ямчуг (селитра), заготавливались съестные припасы, подбирались люди, которых Строгановы давали в помощь казакам. У Ермака созрело решение идти в Сибирь не старым путем — по Вишере и Лозье, а новым, почти неизвестным, но более коротким — по Чусовой к Тагилу, которым до сих пор пользовались только татары и манси. Ермаку нужно было взять с собой большой хлебный запас, а при тогдашних маленьких запашках Строгановы не могли дать такой запас из урожая прошлого года. Поэтому Ермаку пришлось ждать нового урожая. Этим, может быть, и объясняется необычайно позднее начало похода: осенью, а не весной, как обычно.

На каждого воина Ермаковой дружины Строгановы выдали, как говорит Ремезовская летопись, по три фунта пороха и свинца, по три пуда ржаной муки, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и по половине соленой свиной туши на двоих, одежду, оружие. Отряд получил три пушки и знамена, «всякому сту по знамени». Эта помощь Ермаку, вероятно, была оказана не безвозмездно. Можно предположить, что казаки дали Строгановым «кабалы» (обязательство) расплатиться военной добычей.

К отряду Строгановы прибавили еще и своих людей (по одним сведениям 300 человек, по другим — 154), дали проводников — зырян, не раз бывавших за Уралом. Теперь в отряде было примерно 700 — 900 человек.

Ермак разделил свое войско на отряды — сотни, во главе с есаулами и сотниками, в войске были выборные пятидесятники и десятники, были писаря, трубачи, литаврщики, барабанщики, сурначи, знаменосцы, три попа, «да старец-бродяга ходил без черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал и круг церковный справно знал».

Ермак ввел железную дисциплину в своем войске. За легкие проступки виновных наказывали плетями. Изменников и

Начало похода Ермака. Иллюстрация из Кунгурской летописи XVII века.

дезертиров карали смертью: «А кто подумает отойти от них и изменить, не хотя быти, тому по донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака вси укрепились». Эта дисциплина соблюдалась на протяжении всего похода.

1 сентября 1581 года у деревянных стен Нижнего Чусовского Городка собрались жители всех окрестных деревень. Звонили колокола, созывая народ на прощальный молебен. В толпе землепашцев, солеваров, лесорубов, охотников здесь и там виднелись суровые лица и боевые доспехи Ермаковых дружинников. Многим из них не суждено было вернуться в родные места из похода в далекую Сибирь. У берега на причале стояли большие лодки-струи, тяжело нагруженные припасами. На их тонких мачтах развевались, трепеща на свежем ветру, знамена и хоругви из тяжелой шитой парчи, маленькие разноцветные флажки, знаки отличия есаулов и сотников.

Но вот прощание окончено. На стенах острожка рывкнули пушки. Весла дружно ударили по воде — и весь караван, под звуки барабанов, литавр и труб, двинулся вверх по Чусовой.

Ермак Тимофеевич долго стоял на корме струга, пристально вглядываясь во все уменьшающиеся очертания Чусовского городка, — последнего русского укрепления на пути в Сибирь. Вот от Городка осталась видна только верхушка церковной колокольни, обитая белой жемчужной. Наконец, и ее заслонили мохнатые береговые горы.

Сибирский поход начался в очень трудных условиях. Кучум фактически уже приступил к военным действиям (набег Бекбелея Агтакова). Вскоре же после ухода Ермака в Прикамье, которое оставалось слабо защищенным, вторгся подвластный Кучуму пелымский князь Кихек. Он подверг прикамские земли невиданному до сих пор разорению. Кихек, пройдя северным путем по Лозье и Вишере, в начале сентября осадил Чердынь. Одновременно один из его отрядов, пробравшись малоизвестными тропами, зашел в тыл Ермаку и отрезал его от русских поселений и острогов. Не сумев взять Чердынь, Кихек, опустошая все на своем пути, направился к Соликамску, разграбил и сжег его. Затем он прошел мимо Пысгора и Орла-городка, свернул на Чусовую и выжег по ней многие русские селения. Однако Кихеку не удалось взять ни Сылвенского, ни Чусовского городков. С Чусовой он отправился на восток по следам Ермака. К отрядам Кихека присоединилась и часть коренного населения Прикамья, не-

довольного вымогательствами сборщиков ясака и другими притеснениями. После этого волнения в крае продолжались еще несколько месяцев.

Ермак в это время поднимался со своей дружиной все выше и выше по Чусовой. Казаки доплыли до скалы при устье речки Ермаковки (немного ниже поселка Кын), которая позднее получила название «Ермаков камень». Здесь была сделана первая остановка. После этого главные силы Ермака поднялись до устья речки Серебрянки (а небольшой разведывательный отряд, по некоторым сведениям, прошел еще выше — до устья Межевой Утки). Затем дружина стала подниматься вверх по Серебрянке.

Путь по этой маленькой и быстрой речке был очень труден. Большие струи пришлось сразу же бросить, но и струи поменьше проходили с большим трудом. Казаки ставили в воде столбы и, натянув между ними сшитые паруса, запруживали реку. Только так удавалось проводить суда на несколько десятков сажень вперед. Люди надрывались на тяжелой работе, натирали себе кровавые мозоли, мокли в холодной осенней воде. Среди наиболее слабых начался ропот. Но Ермак торопил вперед и вперед: надо было скорее дойти до водораздела и построить там укрепленный городок.

Наконец отряд достиг левого притока Серебрянки речки Кокуя. Здесь на высоком мысу казаки поставили укрепление, которое называли по имени речки Кокуй-городком. Укрепление состояло из землянок, обнесенных земляным валом и тыном. Теперь Ермак чувствовал себя в сравнительной безопасности: здесь его отряд, в случае необходимости, мог бы выдержать осаду.

Зиму казаки провели в тесных землянках Кокуй-городка. Однообразие зимних скучных буден несколько скрадывали охота, поездки в соседние вогульские поселки, лыжные экспедиции, во время которых казаки добывали продовольствие, старались лучше «проведать» путь в Сибирь.

Весной, когда растаяли глубокие снега и открылись пути по маленьким речкам и речушкам, дружинники перетащили кладь и самые маленькие лодки 25-верстным волоком через тайгу и горы на речку Журавлик, правый приток Баранчи. Здесь казаки сделали лодки и плоты и сплыли на них до реки Тагила.

Эта река была много больше тех горных речек, по которым шел путь Ермака от Чусовой. По ней могли плыть и большие суда. Пройдя несколько верст по Тагилу, дружина

сделала остановку у горы Медведь-камень, чтобы построить себе новые струги, взамен брошенных на Серебрянке. Остатки этой стоянки Ермака известны под названием «Ермакова городища», которое находится на левом берегу Тагила в двенадцати километрах от города Нижнего Тагила и в трех-четырёх километрах ниже устья Баранчи. Оно расположено на террасе речной поймы около излучины — очень удобного места для постройки лодок.

Археолог О. Н. Бадер, в 1945 году нашедший это забытое городище, а в 1946 году проводивший на нем разведочные раскопки, обнаружил остатки вала и рва, очень похожего на окопы для «огневого боя». Остатки жилых сооружений свидетельствовали о длительном пребывании русских людей на этом месте. Очевидно, это укрепление, заложенное Ермаком, служило в дальнейшем опорным пунктом на пути из Прикамья в Сибирь.

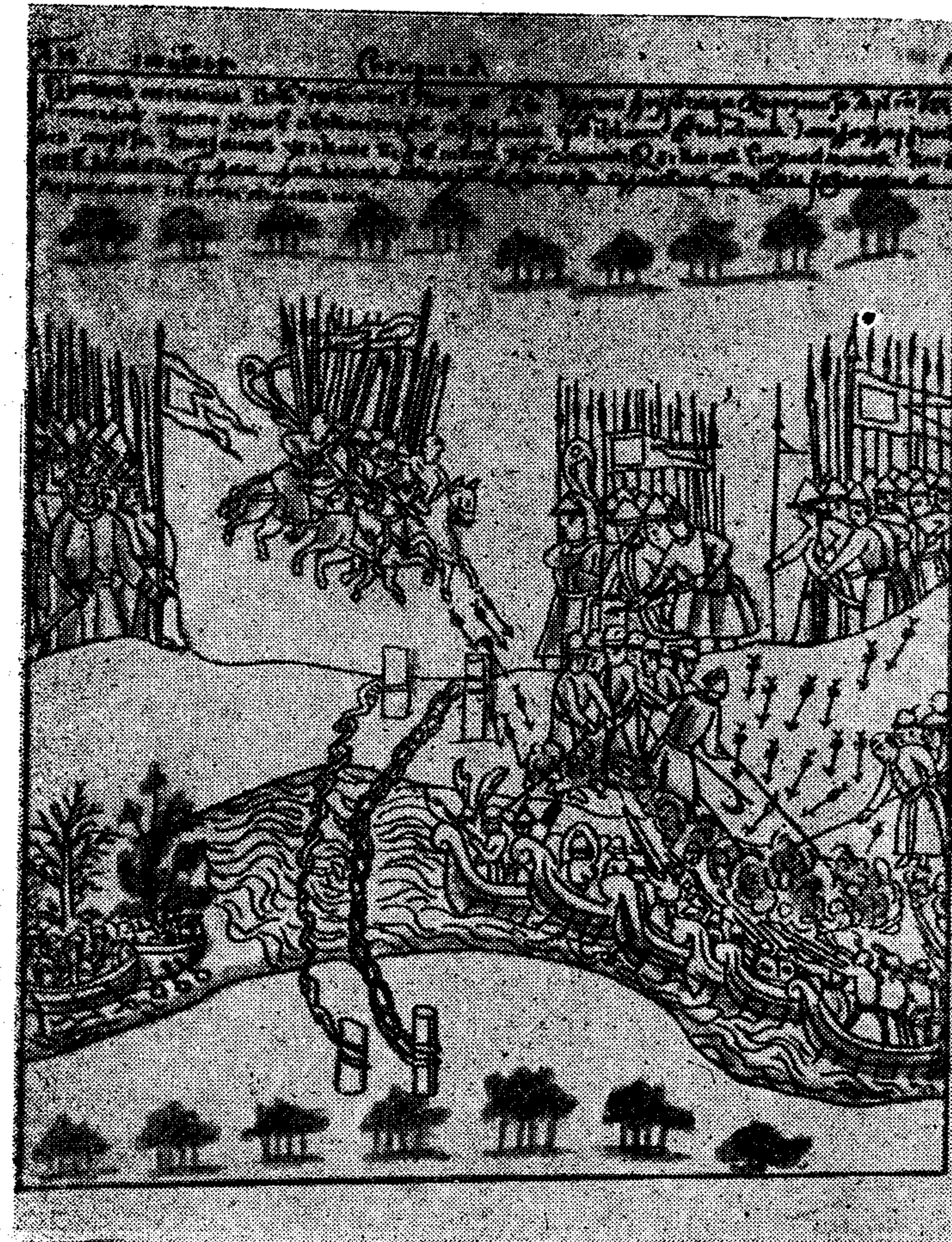
В народной песне о Ермаке так рассказывается об остановке дружины у Медведя-камня:

Понаделали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранче-реке —
И скоро они выплыли на Тагил-реку;
У того Медведя-камня у Магницкого — горы становились.
А на другой стороне было у них плотбище,
Делали большие коломенки,
Чтобы можно было им совсем убраться.

Казачи прожили у Медведь-камня около трех недель. За это время они построили большие удобные струги. Разместив на судах дружину и груз, Ермак «поплыша вниз по Тагилу маяя в первый день».

Тагил вынес казачьи струги в реку Туру, где уже началась территория, подвластная хану Кучуму. На Туре, немного выше современного города Туринска, Ермак принял первый бой. Живший в тех местах князь Япанча собрал большой отряд из татар и манси и преградил дорогу казакам. Но русские сравнительно легко одержали победу над неприятелем. Однако чем дальше продвигался отряд Ермака, тем труднее и опаснее становился поход.

Безлюдные Уральские горы с их бурными реками были пройдены. Теперь казаки плыли по спокойной и омутистой Туре. Все чаще видели они дымки татарских и вогульских

Отряд Ермака у Караульного Яра на Тоболе. Иллюстрация из Кунгурской летописи XVII века.

селений, все чаще и чаще из прибрежных тальников летели в них стрелы, пущенные вражеской рукой. Проплывая мимо собиравшихся на берегу татар, казаки прикрывались от дождя стрел щитами и связками хвороста. Иногда им приходилось высаживаться на берег и вступать в бой.

Казаки взяли укрепленный городок Чимга-Туру (позднее на его месте был построен русский город Тюмень) — столицу татарского княжества, находившегося в вассальной зависимости от сибирского хана. Они убили правителя княжества и «многие припасы и богатства взяша». В Чимга-Туре Ермак сделал остановку (по другим сведениям казаки даже зимовали в этом городке): надо было привести в порядок отряд, дать отдых людям, подготовиться к новым боям.

Из Чимга-Туры казаки поплыли дальше. В Тарханном городке на реке Тоболе, недалеко от устья Туры, где началась граница собственно Сибирского ханства, казаки захватили Кучумова сборщика ясака Кутугая. Они дали ему богатые подарки и отпустили, но перед этим страшно напугали, продемонстрировав ему стрельбу из огнестрельного оружия.

В устье Туры отряды шести татарских князей преградили дорогу русскому войску (летописи сохранили имена трех из них: Кашкара, Варвара и Майтмас). Завязался бой, который продолжался несколько дней. Победа и на этот раз осталась за казаками, побившими множество татар и захватившими большую добычу.

В июне Ермак плыл уже по Тоболу. Здесь казакам пришлось выдержать еще две многодневных битвы у урочищ Березовый Яр и Караульный Яр. У Караульного Яра, близ городка есаула Алышай, татары перегородили узкий в этом месте Тобол железной цепью, стремясь задержать его русские струги. Но дружинники сумели напором судов разорвать эту цепь, высадились на берег и нанесли татарам поражение.

Ряды казаков поредели в этих боях, а впереди их ждали кровопролитные сражения с главными силами Сибирского ханства. Русские узнали от захваченного в плен в устье Тавды ханского придворного Таусака (Таусина), посланного на рыбную ловлю, о больших военных приготовлениях Кучума. Тяжести длительного похода, непрерывные бои, ожидание еще больших опасностей вселили в некоторых казаков неуверенность в исходе их предприятия. В дружине появились недовольные, которые предлагали прекратить поход и вер-

нуться в Прикамье старым путем через Тавду, Лозьву и Вишеру. Целую неделю казаки стояли в устье Тавды, «размышляша, яко да идут с вожами вспять по Тавде вверх чрез Камень Вогуличами да возвратятся». Однако наиболее храбрые настояли на продолжении похода. Казачий круг решил идти вниз по Тоболу навстречу новым боям и опасностям. Отряд выступил дальше.

Между тем сибирский хан принимал энергичные меры для встречи Ермака. В ставку Кучума были созваны его вассалы — «князья и мурзы и уланове». Хан быстро собрал большое войско из татар, манси, хантов и «протчая языцы под его властью». Главнокомандующим был назначен опытный военачальник племянник Кучума Магомет-Кули, тот самый, который еще в 1573 году приходил войной в Прикамье. Магомет-Кули занял с войском сильную позицию на берегу Тобола возле урочища Бабасан. Сам Кучум в это время занялся устройством засек и укреплений близ своей столицы — Кашлыка, у Чувашовой горы.

В конце июля Ермак доплыл до Бабасанского урочища, и началась кровопролитная битва, длившаяся пять дней. Ермак Тимофеевич сумел взять инициативу боя в свои руки. Русские высадились на берег, устроили там окопы и из них стремительно ударили по татарской коннице и пехоте, в основном состоявшей из манси и хантов. Сибирцы в ответ «немилостивно наступаху на конех, копейным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют велми». Но у русских было огнестрельное оружие, которого почти не имели их противники¹.

Русский отряд был хорошо сплоченным, чего не хватало сибирскому войску. Казаки «начаша стреляти ис пищалей своих и ис пушечек скорострелных и из дробовых и из затинных». Войско Магомета-Кули не выдержало натиска и отступило, понеся огромные потери.

26 июля Ермак встретил множество татар у Долгого Яра. На этот раз он, вопреки своему обыкновению, не принял боя и поплыл дальше вниз по Тоболу.

1 августа отряд прибыл в городок карачи — советника хана. «И тот город Карачин взяша и в нем бесчисленное богатство, злата и серебра, и камня драгого, и жемчюгу, и

¹ Распространено мнение, что у татар совершенно не было огнестрельного оружия. Однако Ремезовская летопись неоднократно упоминает о том, что у Кучума было несколько пушек.

меду, довольно и скота...». В этом городке Ермак простоял около сорока дней, готовя свое войско к тяжелым боям за овладение столицей Сибирского ханства. Дружинники лечили раны, поправляли оружие, отдыхали.

14 сентября 1582 года отряд выступил из этого городка и поплыл к устью Тобола, где стоял укрепленный город мурзы Атика. Ермак взял этот городок и укрепился в нем. Отсюда было уже рукой подать до столицы ханства города Кашлыка. Но большое сибирское войско окружило Атик-городок. Оно в 10—20 раз превосходило по численности русский отряд. Видя такое неравенство сил, некоторые казаки вновь заговорили об отступлении. Опять был созван круг, на котором решалось: «Отойти ли нам места сего, или стояти единодушно?». Круг постановил: «стоять единодушно». Ермак превратил Атик-городок в опорный пункт, откуда казаки стали делать вылазки против Кучума и Магомета-Кули, стоявших лагерем на Чувашовой горе (недалеко от Тобольского устья на правом берегу Иртыша).

Чувашова гора прикрывала подступы к Кашлыку. Для того чтобы овладеть столицей Сибирского ханства, а это был единственно приемлемый для Ермака выход из создавшегося положения, требовалось прежде занять ее укрепления. Первые три приступа русских сибирцы отбили с большими для казаков потерями, но русским удалось захватить и сбросить в Иртыш две пушки, имевшиеся у татар.

Наконец, 23 октября Ермак начал четвертый приступ. Сильно поредевшей дружине приходилось очень туго: татары, скрываясь за частоколом и засеками, пускали в казаков множество стрел. Сибирцы, видя, какое опустошение принесли их стрелы в рядах наступающих, сами в трех местах разобрали засеку и бросились в контратаку. Началась жестокая рукопашная битва. Противники кололи друг друга копьями, рубили саблями, душили руками.

Дружинники дрались необычайно храбро и упорно. На каждого из них приходилось по нескольку врагов. Есаулы и сотники сражались в первых рядах воинов, воодушевляя их. В самых опасных местах появлялся и Ермак Тимофеевич. Он казался вездесущим. Опытным взором военачальника Ермак замечал место, где казаки начинали отступать, и мчался туда, окруженный несколькими верными друзьями. Его меч, его голос, а больше того, само его присутствие делали чудеса: узнав, что атаман с ними, усталые, израненные люди снова и снова бросались в атаку.

«Ермак. Покоритель Сибиря». Гравюра по рисунку А. Шарлемана.

На другой день напряжение битвы достигло высшей степени. Русские, казалось, удесятерили свои силы. В войсках Кучума началось шатание. Первыми его покинули низовые (с низовьев Оби) хантские князьки со своими отрядами; вечером того же дня ушли и рассеялись по непроходимым лесам и болотам отряды манси. Сибирское войско быстро таяло. К тому же сам Магомет-Кули был тяжело ранен и его «едва жива» увезли с поля боя за Иртыш. Это деморализующе подействовало на татар.

На третий день, 25 октября, к вечеру сражение утихло. Русские потеряли в этом бою 107 человек, а сибирцы и того больше. С той и другой стороны было много раненых, все были измождены упорным сражением. Ермак отвел своих людей за реку и «обначеваша со стражею».

Кучум, видя бегство своего войска, удрученный ранением главнокомандующего — любимого племянника Магомета-Кули, — посчитал бой для себя проигранным и в ночь на 26 октября, «видев царства своего конечное лишение и разорение всем», оставил Кашлык. «И вси из града невозвратно бегаша на степь, в Казачью орду...», — говорит летопись. В эту ночь татары покинули и все близ лежащие городки: Сузгун, Бицик, Абалак и другие.

26 октября 1582 года Ермак без боя занял опустевшую столицу недавно еще грозного Сибирского ханства.

Проигранный бой и потеря столицы серьезно подорвали престиж хана Кучума. О захвате русскими Кашлыка и о том, что войско хана разбито, быстро узнала вся страна. «Промчесь слых о Ермаке и о казацех во всю Сибирскую страну».

Многие ханты и манси очень быстро признали власть русских, в которых они видели избавителей от татарского гнета. Уже на четвертый день после занятия Кашлыка к Ермаку пришел «остяцкий князь, именов Бояр, со многими остяки и привезоша с собою многие дары и запасы».

В числе изъявивших покорность Ермаку были и мансийские князьки Суклем и Ишбердей, оказавшие большие услуги казакам. Ишбердей, например, «яко первее многих взыска князков и приведа в ясак и ясак принесе, и пути многи сказа, и на немирных казаком вожь изрядной был и верен велми».

Казакам подчинились и некоторые татарские феодалы, недовольные Кучумом, видевшие в русских грозную силу.

Ермак радушно принимал всех приходивших с покорностью, облагал их небольшим ясаком и, не ломая сложившихся в стране порядков, отпускал «жить в домах своих по-прежнему».

Дружинники свободно ездили по окрестным селениям, не опасаясь нападения. Но, разумеется, борьба была еще далеко не кончена. Захват Кашлыка вовсе не означал полного разгрома сил Кучума, который, откочевав в недоступные для русских степи, постоянно тревожил их своими нападениями. Так, в декабре двадцать казаков, поехавших на рыбную ловлю на Абалацкое озеро, были поголовно перебиты отрядом Магомета-Кули. Ермак погнался за татарами и разгромил их отряд в урочище Шашминском, но сам Магомет-Кули сумел бежать.

С Кучумом предстояла еще долгая и тяжелая борьба, а малочисленному русскому отряду было не под силу длительное время продержаться даже в такой хорошей по тому времени крепости, как Кашлык. Строгановы не могли дать казакам серьезных подкреплений. Ермак прекрасно понимал, что размеры дела, которое начали казаки, уже давно переросли рамки одних лишь строгановских интересов. Это дело имело общегосударственное значение. Поэтому Ермак Тимофеевич решил донести о завоеваниях своего отряда непосредственно самому царю Ивану Грозному и просить московское правительство о крупной военной помощи.

22 декабря 1582 года Ермак послал в Москву атамана Ивана Кольца с собранным ясаком, «вестовой отпиской» о результатах похода и просьбой о помощи. Посольство повел Ишбердей со своими людьми «волчьей дорогой» — зимней тропой через Средний Урал. Послы ехали на оленьих и собачьих упряжках. В январе 1583 года они уже были в Москве и «били челом» Сибирским царством Ивану Грозному.

Посылка Кольца, осужденного ранее на смертную казнь за нападение на ногайцев и персидских послов на Волге, была очень рискованным шагом, но Ермак был твердо уверен, что результаты его экспедиции будут оценены правительством. И он не ошибся: Иван Грозный не только «простил» казаков, но и «посла денег и сукон, иных всяких товаров, вина и запаса со множественным удовольствием». Сам Ермак Тимофеевич был «пожалован» двумя панцирями (вероятнее всего кольчугой и панцирем), двумя кубками и шубой с царского плеча. Казакам было обещана военная помощь.

Посольство возвратилось из Москвы знакомой дорогой через Средний Урал и 1 марта было уже в Кашлыке.

Во время отсутствия Ивана Кольца 20 февраля 1583 года казаки получили сведения о том, что Магомет-Кули стоит на реке Вагае в ста верстах от Кашлыка. Ермак послал к Вагаю свой отряд, который ночью внезапно напал на татарский стан, разгромил его и захватил в плен самого Магомета-Кули. Пленение этого лучшего татарского военачальника было большой удачей для Ермака и тяжелым ударом для сибирского хана.

Были у хана и другие неприятности. На него из казахских степей пошел войной царевич Сеид-Ахмат, племянник убитого Кучумом хана Эдигера. Карача, имевший в стране большой авторитет, под влиянием раздоров между крупными татарскими феодалами покинул Кучума и откочевал в Барабинскую степь. Все это вызвало в лагере Кучума замешательство. Воспользовавшись им, Ермак всю весну и лето посвятил покорению татарских, хантских и мансийских городков и земель вниз по Иртышу, по Оби и Тавде.

В начале марта отряд под командой пятидесятника Богдана Брязги отправился вниз по Иртышу. Брязга дошел до «Белогорья» (местности, находившейся примерно километрах в пятистах выше города Березова) и, видя «много пусто места и жилья мало», вернулся обратно. Во время экспедиции он взял несколько городков, в том числе и городок князька Самара на Иртыше, а некоторые князья сами изъявили ему покорность и принесли ясак (например, кодский князь Алачей).

Вскоре по следам Брязги отправился и сам Ермак Тимофеевич. Собирая ясак и воюя с непокорными, он доплыл до Казымского городка на Оби (при устье реки Казыма) и штурмом взял его. Здесь казаки понесли большую утрату: при штурме этого городка погиб один из верных соратников Ермака, воевавший с ним еще на Волге, атаман Никита Пан.

Возвратившись с Оби, Ермак в начале июля поплыл вверх по реке Тавде и скоро дошел до владений князька Печенега (Печенка). У городка этого князька завязался бой. Татары ранили много казаков, но русские в конце концов взяли острожек, а его защитников «прибиша до единого и Печенега князца убиша и наполниша трупом озеро». Затем, заняв укрепленные городки Кошуки, Чандырь и Таборы,

отряд дошел до владений пелымского князя Патлика, нанес ему поражение и 4 октября повернул обратно.

Следующую зиму казаки провели в Кашлыке. А летом 1584 года Ермак Тимофеевич с большим отрядом снова отправился в поход, на этот раз уже не на север, а на юг, вверх по Иртышу, туда, где кочевал Кучум¹.

Русские всюду встречали мирно настроенных жителей, которые сами приносили ясак. Первый бой летом 1584 года отряду пришлось выдержать у городка князя Бегиша (на месте этого городка позднее возникло село Бегишевское) на Иртыше. Многочисленное татарское войско, собравшееся здесь, имело даже две пушки, привезенные из Казани. Но дружинники их «умолвиша, и не могиша лугнуть на казаков в другорядь, и спехнуша их прямо в Иртыш под гору». В этом кровопролитном бою русские нанесли татарским отрядам серьезное поражение. В устье реки Ишима татары снова загродили дорогу Ермаку, но опять были разбиты.

Ермак, поднимаясь по Иртышу, доплыл до городка Кулларова — пограничной крепости на рубеже Сибирского ханства и земли калмыков. Городок имел многочисленный гарнизон. Все попытки взять его оказались безуспешными, и русские, простояв пять дней под стенами Кулларова, поплыли дальше на юг. Крайней южной точкой похода летом 1584 года было устье реки Шиштамама (Шиша) правого притока Иртыша. Отсюда Ермак, очевидно, получив известие о движении войска Кучума на Кашлык, который охранялся маленьким русским гарнизоном, быстро повернул на север.

С осени для русского отряда в Сибири началась полоса тяжелых невзгод. Первым и неожиданным ударом было предательское убийство верного соратника Ермака Тимофеевича Ивана Кольца.

10 сентября в Кашлык явился посланец карачи. Он принес клятву верности и просил у Ермака людей для обороны от казаков, якобы напавших на карачу. Ермак отпустил с ним 40 казаков во главе с Иваном Кольцом. Все они были предательски перебиты татарами в ставке карачи.

Это избиение послужило сигналом к восстанию татарских феодалов против русских. Многие из татарских князей, мурз и беков, которые уже давно платили ясак Ермаку, теперь примкнули к войскам карачи и Кучума.

¹ По другим источникам, этот поход вверх по Иртышу был предпринят в 1585 году и закончился трагической гибелью Ермака в устье реки Вагая.

Между тем, в Сибирь на помощь Ермаку Тимофеевичу двигалось войско, которое по царскому указу выступило в поход еще 3 мая 1583 года. Во главе войска, состоявшего из пятисот стрельцов, были воеводы: князь С. Д. Болховский, Иван Глухов и Иван Киреев. Отряд плыл по Волге и Каме. К зиме он сумел добраться до Чердыни. Царские воеводы не рискнули зимой перебираться на нартах и лыжах через Уральские горы и остались зимовать в Чердыни. Ранней весной 1584 года отряд по большой воде отправился тем же путем, которым шел Ермак Тимофеевич.

У воевод, видимо, мало было своих судов или они не годились для плавания по уральским рекам, поэтому Строгановым было предписано дать им нужные суда: «На весне велели есмь князю Семену (т. е. Болховскому — В. М.) иду-чи в Сибирь взять у Вас под нашу рать и под запас пятнадцать стругов со всем струговым запасом...» — писал Иван IV в грамоте от 7 января 1584 года на имя Семена, Максима и Никиты Строгановых. Трудности пути, тяжелый подъем и разлив по горным рекам, длинный волок через горы, частые остановки для сбора ясака — все это замедлило путь войска, которое прибыло в Кашлык только 1 ноября 1584 года.

Радостной была встреча. Казаки обнимали прибывших стрельцов, жадно расспрашивали их о новостях, о Руси, которую они покинули три года назад.

Радостен был и Ермак Тимофеевич. Еще бы, с самого начала похода его отряд не получал серьезного пополнения. Да и могло ли его дать малолюдное Прикамье. Теперь долгожданная подмога пришла и какая подмога — хорошо вооруженные стрельцы, опытные в ратном деле воеводы. Ермак хлебосольно угощал воевод, задавал им бесконечное множество вопросов, рассказывал сам. За три года, проведенные в Сибири, у него накопилось что порассказать.

Но радость встречи сразу же была омрачена: оказывается, воеводы легкомысленно понадеялись на богатство Сибири и не привезли с собой продовольственных запасов. У Ермака провиант был запасен только на своих людей. Посылать отряды за продовольствием в условиях вновь разгорающейся войны да еще в зимнюю пору было совершенно невозможно.

Вскоре в русском лагере начался страшный голод. Люди съели лошадей и собак. Они варили кожаные ремни и седла, древесную кору, пытаясь заменить этими жалкими суррогатами пищу. Вместе с голодом пришла его верная спутница — цинга, которая косила стрельцов и казаков одного за другим.

Нападение татарского отряда на воинов Ермака в начале августа 1585 года. Иллюстрация из Кунгурской летописи XVII века.

Вскоре умер и воевода князь Болховский (один из воевод — точно неизвестно, Глухов или Киреев — увез в Москву ясак и пленного Магомета-Кули).

Голод кончился лишь весной, когда «татара и остяки от новин своих рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки от глада насытишася». За зиму отряд убыл наполовину. Вместо свежих, здоровенных стрельцов и закаленных в боях и невзгодах казаков, прошедших огонь и воду, по Кашлыку еле бродили худые, измученные люди.

Но голод и болезни не были единственными злоключениями русских. 12 марта 1585 года большое войско карачи осадило Кашлык. Вокруг крепостных стен расположились несметные татарские таборы. Сытые, сильные всадники подъезжали на почтительное расстояние, недоступное для тогдашних пищалей, к валам крепости и, выкрикивая обидные ругательства, показывали, как они расправятся с русскими, когда возьмут Кашлык. И в самом деле, положение Ермака казалось безвыходным: что могла противопоставить многочисленной татарской рати небольшая горстка людей, еще не совсем оправившаяся от болезней и голода. Но татары просчитались: эти люди были отважны. Их возглавлял опытный и мудрый предводитель, видевший на своем веку много сражений, не раз глядевший в глаза смерти.

Войско карачи стояло у Кашлыка до «пролетья» и причинило русским «многую гибельную проруху». Но в ночь на 12 июня (по другим источникам на 9 мая) русские, сделав внезапную вылазку, напали на главный стан карачи на Сусканской луке, убили двух его сыновей и посеяли среди татар страшную панику. Войско карачи начало разбегаться. Наутро русские окончательно разбили татар.

Что делал Ермак Тимофеевич в июне и июле 1585 года, летописи не говорят. Известно только, что 1 августа он получил известие о том, что Кучум не пропускает в Кашлык большой караван бухарских купцов. Ермак, заинтересованный в том, чтобы караван благополучно добрался до города, поплыл с небольшим отрядом в несколько десятков человек на стругах навстречу каравану. Он дошел до Вагайской луки, вошел в реку Вагай, поднялся по ней до урочища Атабаш, но, нигде не найдя бухарцев, возвратился к устью Вагая. В бурную и дождливую ночь 5 или 6 августа 1585 года отряд Ермака остановился ночевать на одном из островов Иртыша.

Сильно уставшие казаки крепко уснули, против обыкновения даже не выставив караула. А татарские лазутчики давно следили за русским отрядом. Вслед за Ермаком скрытно берегом реки шел отряд самого Кучума. Ночь показалась татарам подходящим моментом для нападения. Под шум дождя и плеск волн Иртыша татарские воины перебрались на остров и тихо, как кошки, поползли к спящим. Во тьме непроглядной ночи сверкнули мечи. Многие казаки были перебиты спящими. Те, кого разбудили предсмертные крики товарищей, схватились за оружие, но поздно. Подавлен-

«Гибель Ермака». Картина К. Газенкампа.

ные численным превосходством неприятеля, все они также погибли под татарскими саблями, лишь одному из них удалось спастись.

Ермак, проснувшись одним из первых, долго сопротивлялся. Не видя ни откуда помощи, он бросился в Иртыш и поплыл к лодкам. В бою он, видимо, был ранен. Выбиваясь из последних сил, Ермак Тимофеевич плыл к ближайшему стругу, но «тяжелый панцирь — дар царя» увлек его на дно.

Так погиб в полном расцвете своих сил этот замечательный русский воин и землепроходец.

В Ремезовской летописи сохранилась запись татарских легенд, в которых говорится о том, что татары выловили труп Ермака Тимофеевича в Иртыше, сняли с него доспехи и разделили их между собой (по их поверью доспехи такого храброго воина должны были иметь магическую силу)¹. Затем, надругавшись над телом героя, похоронили его на одном из татарских кладбищ. Могила Ермака Тимофеевича неизвестна.

А что же стало с русским отрядом в Сибири? Оставшиеся в Кашлыке воины, узнав о гибели своего предводителя, чувствуя, что их отряду (а в нем было всего 150 человек) долго не продержаться в Сибири «седоша в струги своя августа в 15 день и погребоша вниз по Обе, и с воеводою, и по Иртышу, и по Собе и чрез Камень приидоша в Русь на свои жилища, град же оставиша пуст».

Кашлык немедленно занял сын Кучума Али, которого скоро прогнал оттуда племянник Эдигера Сеид-Ахмат.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Летописи, сохранившие подробности о делах Ермака, почти ничего не говорят нам о Ермаке Тимофеевиче, как о человеке. набросок его портрета дает лишь Ремезовская летопись, автор которой описывает его умным и мужественным человеком среднего роста, широким в плечах, с черной вьющейся бородой и волосами. Ермак, как говорит летопись,

¹ В коллекции Оружейной Палаты в Москве хранится кольчуга, принадлежавшая князю П. И. Шуйскому, погибшему в 1564 году во время Ливонской войны. В 1646 году эта кольчуга была захвачена в качестве трофея русскими воеводами в одном из сибирских городков. Есть предположения, что она была подарена Иваном IV Ермаку, который и утонул в ней.

«вelmi мужествен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черен бородою и власы прикудряв, возраст средний, и плоск, плечист», — вот, пожалуй, и все, что известно нам о его внешнем облике.

Портретов Ермака Тимофеевича, написанных при его жизни, мы не имеем. Да и существовали ли они? Скорее всего нет. Правда, как рассказывает писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский), в первой половине прошлого века среди народа (особенно на Урале и в Сибири) были широко распространены портреты Ермака, написанные чаще всего на железе, неизвестно кем и когда. Но и они далеки от достоверности.

Но если мы так мало знаем о внешности Ермака, то тщательно проанализировав все, что известно о его деятельности, мы получим некоторое представление о личных качествах этого далеко незаурядного человека.

Уже с юных лет Ермак Тимофеевич не мог мириться с жизнью подневольного. Он пошел искать себе свободу, стал казаком. Храбрость, сила, ум сделали его одним из предводителей вольных людей.

Имея дело с самыми разнообразными противниками, от персов до московских воевод, Ермак приобрел большой воинский опыт. Он пользовался огромным авторитетом у казаков. Уже во время пребывания Ермака на Волге, слава о нем вышла далеко за пределы района его деятельности и докатилась до прикамских городков Строгановых.

В Прикамье и в Сибири Ермак показал себя зрелым и бесстрашным военачальником. В самом деле, поход маленького, хотя и хорошо оснащенного, отряда в пределы Сибирского ханства, располагавшего десятками тысяч воинов, и победы над его многочисленной ратью требовали не только героизма и самопожертвования казаков, но и умелого руководства, прекрасного знания сибирских условий. Таким руководителем и был Ермак Тимофеевич. Зная, что предстоит не легкий поход, он длительное время посвятил подготовке к нему. Ермак тщательно разведывал пути, знакомился с политической обстановкой в Сибирском ханстве, приучал казаков к условиям войны в суровом уральском климате.

Во время многочисленных боев с сибирцами ярко проявился военный талант Ермака Тимофеевича. Он всегда придерживался наиболее выгодной тактики, прекрасно используя преимущество огнестрельного оружия перед луками и стрелами, умело сочетал взаимодействие казаков на стругах

и пешей дружины, правильно учитывал соотношения сил, всегда стремился сначала взять у неприятеля крепость, а потом из нее отражать нападения основной массы противника.

Народные предания и песни сохранили рассказы о военной хитрости Ермака. Например, существует легенда о том, что когда путь казакам преградил большой отряд одного из есаулов Кучума, Ермак приказал надеть на пучки хвороста и соломы казачью одежду. Этим он намного «увеличил» свою дружину и быстро привел в бегство неприятеля. В легенде говорится:

Понаделали людей соломенных
И нашли на них платье цветное:
Было-то у Ермака дружины триста молодцев,
А уж с теми стало больше тысячи.
И поплыли по Тобол-реке.
...А татары смотрят да дивуются,
Каковы-то русски люди крепкие,
Что убить-то ни единого не могут их:
Каленых стрел в них как снопики налеплено,
А казаки все живы стоят.

Кроме воинского дарования, Ермака Тимофеевича отличали — большой организаторский талант, дар красноречия, сильная воля. Не случайно Ермаку удалось уговорить казаков идти не в те места, где они обычно скрывались от преследования, — на Дон и Яик, — а в далекое Приуралье, а потом и в Сибирь. Организаторские способности помогли ему наладить строгую дисциплину среди казачьей вольницы, добиваться продолжения сибирского похода в самые критические моменты, когда на казачьем кругу громко раздавались голоса недовольных.

Попав в сеть сложных взаимоотношений: с одной стороны, царское правительство, преследовавшее казаков, с другой, — Строгановы, стремящиеся использовать казацкую вольницу в своих интересах и борьбе с Кучумом, Ермак проявил незаурядный талант дипломата. Понимая, что завоевание Сибири имеет общегосударственное значение, он подчиняется Строгановым до тех пор, пока это не противоречит интересам дела. О завоевании Сибири Ермак извещает уже не Строгановых, а самого царя. Он прекрасно ориентируется в политической обстановке, сложившейся в Сибирском ханстве, привлекает

на свою сторону целые племена и отдельных вассалов, недовольных Кучумом, и тем скорее добивается победы.

Церковники, дворянские историки и некоторые писатели прошлого окружили Ермака ореолом мученичества за православную веру, изображали его «христоролюбивым витязем», раскаявшимся разбойником, пошедшим в Сибирь ради царского прощения. На самом деле он был далек от этого «идеала».

Ермак и его казаки думали, что русский народ не забудет их подвигов. «И посмерти нашей память наша не искудеет в тех странах; и слава наша вечна будет», — так передает их слова летопись.

И русский народ действительно не забыл подвига своих соотечественников. Он сложил о Ермаке и его товарищах десятки легенд, преданий, сказов, назвал именем Ермака сотни урочищ, скал, речек, часто даже там, где вовсе не ступала нога дружинников. В легендах Ермака называют младшим братом былинных богатырей, приписывают ему самые невероятные подвиги, правда в этих легендах тесно переплетается с вымыслом, обрастает массой сказочных подробностей. Дружина Ермака, чтобы иметь возможности совершить все подвиги, которые приписываются ей в народе, должна была действовать, по крайней мере, лет триста.

Легенда, записанная в прошлом столетии у уральских казаков, например, утверждает, что Ермак брал Казань и Астрахань. На реке Ик говорили, будто Ермак, окруженный царскими воеводами, бросил в реку татарскую княжну Алмаз. В отплату Ик потопил царские суда (очевидно, сюда вписались мотивы позднейших легенд о Степане Разине). А сколько на Волге, на Урале, в Сибири мест, о которых народная молва говорит, что там Ермак зимовал, там бил татар или «чудь», там отбивался от царских воевод, прятал клады или просто жил. Особенно много таких мест на Урале. Здесь на каждом шагу можно встретить такие названия, как «Ермаков камень», «Ермаков перебор», «речка Ермаковка», «Ермакова гора» и т. п.

По подсчетам историка Прикамского края А. Дмитриева на территории бывшей Пермской губернии находилось в конце прошлого столетия более двадцати деревень под названием Ермаки, Ермаковка, Ермачата и т. д., а в бывшей Тобольской губернии — пять.

Уральцы и сибиряки издавна считают Ермака Тимофеевича своим героем, и, наверное, нигде больше имя его не пользуется такой громадной популярностью, как здесь. Писатель

П. И. Мельников, путешествовавший по Уралу в конце 30-х годов XIX века, свидетельствует: «Надобно заметить, что Ермак живет в памяти жителей Пермской губернии; много преданий и песен о нем сохранилось до сих пор. В селах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака... Приписывая своему герою чудесные деяния, сибиряки (т. е. уральцы — В. М.) хотят освятить его именем каждую старинную вещь, а потому каждый из них, имеющий старинную пищаль или какое-нибудь другое оружие, называет его ермаковым...»

Еще шире, чем легенды и предания, были распространены народные песни о Ермаке, которые пела буквально вся Россия. Эти песни полюбили казаки, солдаты, землепроходцы — все отважные русские люди, которые разнесли их по всей необъятной нашей стране. Они и теперь живут и любимы нашим народом. Все они, от песни «Ермак взял Сибирь», записанной еще в XVIII веке собирателем русского фольклора Киршей Даниловым, и до самых последних, рисуют Ермака Тимофеевича смелым человеком, совершающим самоотверженные подвиги во славу Родины.

Ермак стал любимым героем песен и легенд еще и потому, что народ очень часто изображал его борцом за справедливость, противником бояр и воевод, смело защищающим трудовой люд.

Песни про Ермака Тимофеевича продолжают рождаться и в наше время. Так, уральская сказительница К. С. Копысова в суровые дни Великой Отечественной войны сложила глубоко патриотические песни «Ермак и Тура-река» и «Ермак и хан Кучум».

К образу Ермака Тимофеевича не раз обращались русские мыслители, писатели.

Ермака высоко ценил А. Н. Радищев, не раз упоминавший его имя в своих письмах, посвятивший ему свое «Слово о Ермаке».

Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев написал стихотворение «Смерть Ермака», которое стало основой для широко популярной народной песни «Ревела буря, дождь шумел».

В. Г. Белинский ставил Ермака в один ряд с Дмитрием Донским, Петром I, Суворовым, Кутузовым — людьми, имена которых стали памятниками исторических эпох в жизни народа.

Л. Н. Толстой написал рассказ «Ермак». Героическим событиям 1581—1585 годов посвятил свое «Сказание о сибир-

ском хане — старом Кучуме» певец Урала Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Воспользовавшись поэтической народной легендой, большой знаток уральского фольклора, тонкий художник слова П. П. Бажов создал замечательный сказ «Ермаковы лебеди», в котором очень живо дал образ Ермака Тимофеевича.

Подвиг Ермака не раз вдохновлял также русских художников и скульпторов. Еще во второй половине XVII века кто-то из талантливых живописцев (вероятнее всего Иван Безмин или Дорофей Ермолин) написал его портрет. Ермак Тимофеевич изображен на нем одетым в темно-коричневый кафтан, опоясанный металлическим поясом. В правой руке у него длинное копьё, левая опирается на рукоятку меча в форме птичьей головы. Особенно тщательно выписана голова — густые черные курчавые волосы, почти прямой нос, черные, довольно узкие, пронизательные умные глаза, тонкие, резко сдвинутые брови, несколько скуластое, сухое, очень энергичное лицо.

Знаменитый русский художник К. П. Брюллов, автор всемирно известной картины «Последний день Помпеи», исполнил проект памятника Ермаку. Памятник, сделанный по этому проекту на Горнощитском заводе на Урале, был установлен в 1838 году в городе Тобольске. Брюллову же принадлежат два рисунка, посвященных Ермаку. Другой замечательный русский художник В. И. Суриков написал картину «Покорение Сибири Ермаком». Работа над этим полотном заняла шесть лет жизни художника, но зато как ярко сумел он изобразить боевую отвагу и храбрость русского народа.

Широко известен скульптурный портрет Ермака Тимофеевича, выполненный выдающимся русским скульптором М. М. Антокольским. Скульптор изобразил Ермака суровым воином, в доспехах, с боевым топором в руке, со взглядом, устремленным вдаль, как бы навстречу битвам и опасностям.

Ермак Тимофеевич — один из героических образов русской истории, наверняка еще не раз будет привлекать к себе внимание наших писателей, поэтов, художников.

Он навсегда останется любимым героем нашего народа.

* * *

Погиб Ермак Тимофеевич. Оставшиеся в живых казаки из его отряда возвратились на Русь. Но движение русских за Каменный пояс, в Сибирь, начатое Ермаком и его товарищами, не остановилось на этом. Оно росло и ширилось.

Походом Ермака Сибирскому ханству был нанесен тяжелый удар. Он подготовил почву для планомерного продвижения в Западную Сибирь. В половине лета 1586 года на реку Туру прибыло русское войско под командованием воевод В. Сукина, И. Мясного и Д. Чулкова.

На этот раз дело началось со строительства укрепленных городков. Первым (в 1586 году) была построена Тюмень, близ татарского города Чимга-Тура.

В 1587 году рядом с Кашлыком Чулков «поставил град, именован Тобольск». В последующие годы в Сибири были построены русские крепости: Лозьва, Пелымь, Березов, Верхотурье и другие. Большая часть населения Сибирского ханства признала русскую власть.

Кучум со своими приверженцами ушел в Барабинскую степь. Оттуда он еще долго тревожил своими нападениями русские гарнизоны. Но в 1598 году, разгромленный князем А. В. Елецким, он бежал с немногочисленными приближенными сначала в землю калмыков, а затем к ногайцам, которые в конце концов и убили его.

Из бассейна Оби русские неудержимым потоком двинулись дальше на Енисей и Лену. К 1648 году землепроходцы — продолжатели дела Ермака — прошли через всю Сибирь до берегов Тихого океана, обогнули ее восточную оконечность «необходимый нос» (мыс Дежнева). В Сибирь потянулись «охочие» люди со всех концов Руси. Они быстро покрыли ее необъятную территорию сетью городков, острожков и заимок. Русские люди корчевали тайгу, распахивали пашни, прокладывали дороги, разыскивали сокровища богатой сибирской земли.

Вслед за смелыми землепроходцами и первыми поселенцами в крае появились алчные купцы и чиновники, которые обманывали местное население, спаивали его, чинили всяческие притеснения. Сибирским народам приходилось испытывать двойной гнет — своих собственных и русских эксплуататоров. Но присоединение Сибири к русскому государству, стоявшему на более высоком уровне развития, имело для ее народов прогрессивное значение. Оно содействовало экономическому и социальному развитию сибирских народов. Но при царизме Сибирь оставалась экономически слабо развитой, почти не имевшей культурных центров окраинной России. Колоссальные природные богатства ее почти не разрабатывались.

В 1791 году ссыльный А. Н. Радищев писал, предвидя, как и многие другие передовые люди, будущее Сибири: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край. Нужны еще века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира! Когда непреодолимая сила, когда могущественная сила сообщит коснеющим народам этих стран благодетельную предприимчивость, свет еще увидит, как потомки товарищей Ермака станут искать и откроют себе проход сквозь льды Ледовитого океана, считающимися непроходимыми и тем поставят Сибирь в непосредственном общении с Европой».

Свет уже давно увидел, как освобожденные Октябрьской революцией потомки Ермака водят ледоколы по Северному морскому пути, строят в таежной глуши новые города, заводы, шахты, поднимают нетронутую целину сибирских степей, обуздывают непокорные реки.

Героический подвиг Ермака Тимофеевича — Аленина Василия Тимофеевича — и его соратников, открывших русским людям Сибирь, никогда не забудется их потомками.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Летописи

Летопись Сибирская краткая (Кунгурская), изданная А. Зостом, СПб, 1880.

Сибирские летописи, СПб, 1907.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края. «Ученые записки Молотовского государственного университета», т. VIII, вып. 2, 1953.

Бахрушин С. В. Вопросы колонизации Сибири в XVI—XVII вв. Научные труды, т. III, М., 1955.

Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

Введенский А. А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири, «Научные записки Киевского государственного университета», т. VIII, вып. I, Киев, 1949.

Воронихин А. К. Ермак Тимофеевич — Василий Тимофеевич Аленин. «Прикамье», № 3, 1941.

Воронихин А. К. Биография Ермака. «Вопросы истории», 1946, № 10.

Дмитриев А. Пермская старина. Вып. I, IV, V, VI, Пермь, 1889, 1892, 1894, 1895.

Дмитриев А. Кучумов Искер на Иртыше. Казань, 1899.

Иловайский Д. И. История России, т. III, 1890.

Карамзин Н. История государства Российского, т. IX, СПб, 1831.

Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный. «Вопросы истории», 1947, № 3.

Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь.

Миронов А. М. Покоритель Сибири — Ермак Тимофеевич в сибирских летописях и в старинных памятниках искусства. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 30, 1920.

Новокрещенных. Участие Строгановых в поступательном движении русского государства на Восток. Пермь, 1892.

Перетяткович. Поволжье в XVI—XVII вв. 1877.

Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и мангазея. «Русское прошлое», кн. 3, Петроград — Москва, 1923.

Пуцилло М. П. К вопросу, кто был Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири. «Русский вестник», т. 156, 1881, ноябрь.

Радищев А. Н. Слово о Ермаке. Избран. соч., М., 1950.

Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М., 1844.

Смышляев Д. Е. Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. VI, книга II.

Токарев С. А. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства. «Исторический журнал», 1939, № 1.

Токарев С. А. Поход Ермака в Сибирь. Сборник «За русскую землю», М., 1949.

Шишонко В. Пермская летопись. Пермь, 1881.

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авенариус В. П. Ермак — покоритель Сибири (историческая песня), «Книга былин», М., 1913.

Бажов П. П. «Ермаковы лебеди» (сказ).

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, СПб, 1892. Две исторические песни о Ермаке.

Железнов И. И. Ермак (сказание). Полн. собр. соч., т. III, СПб, 1900.

Копысова К. С. Песни — «Ермак и Тура-река», «Ермак и хан Кучум». В книге «Уральские песни и сказания», записанные В. Г. Курбатовой. Свердловск, 1947.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Сказание о сибирском хане старом Кучуме. Полн. собр. соч., т. XII, 1917.

Пермяк Е. Ермаковы лебеди (пьеса). Свердловск, 1942.

Рылеев К. Ф. «Смерть Ермака» (стихотворение). Полн. собр. соч., т. IV, 1913.

Толстой Л. Н. «Ермак» (рассказ). Полн. собр. соч., т. IV., М., 1913.

Федоров Е. Ермак. Роман в двух томах, Л., 1955.

СОДЕРЖАНИЕ

Волжская вольница	4
Прикамье и Западная Сибирь в XVI веке	10
Сибирский поход	17
Ермак Тимофеевич как историческая личность	38
Использованные источники	44

Владислав Владимирович Мухин
ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Редактор *Т. И. Вершинин*
Художник *С. С. Дьячков*
Худож. редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *Н. Г. Неудакина*
Корректор *А. И. Плешков*

ЛБ06592 Подписано к печати 23 октября 1957 г. Уч.-изд. 2,8 л.
Формат бумаги 60×84^{1/16} — 0,25 бум. л., 2,95 печ. л. Цена 85 к.
Тираж 3000 экз.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 961.

Цена 85 коп.

